

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.18>

Софронова Ирина Владимировна

ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ШЕЛЕБИ

В статье исследуются традиции восточной словесности, характерные для творчества чувашского поэта Н. И. Полоруссова-Шелеби. Материалом для анализа стали художественные произведения поэта, написанные в начале XX века. В ходе исследования были применены структурный, типологический методы. Используемые поэтом образы птицы и змея являются отголоском шумерской мифологии. С ними он мог ознакомиться через книги, вышедшие на татарском языке. Поэмы об истории Волжской Булгарии, истории гуннов построены методом нанизывания. Поэт использует созвучные, однокоренные слова при изображении богатой мирной жизни болгарцев, сцен торговли на Цивильской ярмарке. Многие публицистические поэмы представляют собой поэтический пересказ произошедших событий, описание окружающей среды. Воссоздание образа Волжской Булгарии, его идеализация, сравнение картин современности со славным прошлым чувашского народа являются следствием влияния восточной словесности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 292-296. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 26.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.18>

В статье исследуются традиции восточной словесности, характерные для творчества чувашского поэта Н. И. Полоруссова-Шелеби. Материалом для анализа стали художественные произведения поэта, написанные в начале XX века. В ходе исследования были применены структурный, типологический методы. Используемые поэтом образы птицы и змея являются отголоском шумерской мифологии. С ними он мог ознакомиться через книги, вышедшие на татарском языке. Поэмы об истории Волжской Булгарии, истории гуннов построены методом нанизывания. Поэт использует созвучные, однокоренные слова при изображении богатой мирной жизни болгарцев, сцен торговли на Цивильской ярмарке. Многие публицистические поэмы представляют собой поэтический пересказ произошедших событий, описание окружающей среды. Воссоздание образа Волжской Булгарии, его идеализация, сравнение картин современности со славным прошлым чувашского народа являются следствием влияния восточной словесности.

Ключевые слова и фразы: поэма; фольклор; влияние; восточные традиции; Н. Шелеби; предание; мотив; сюжет; нанизывание.

Софронова Ирина Владимировна, к. филол. н., доцент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

mixtar2@yandex.ru

ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ШЕЛЕБИ

Чувашская письменная литература имеет в своей основе традиции народного творчества, русской литературы. Через посредничество русской литературы проникают традиции литературы мировой. Особенности восточной словесности близки и чувашам. В их предпочтении проявляется генетическое и духовное родство. Влияние восточных традиций выражается в содержании и форме художественных произведений. Чувашские авторы знакомятся с ними через перевод восточной классики, посредничество русской, татарской и башкирской литератур. Творчество Н. Шелеби, Г. Тал-Мырзы, П. Хузангая, Б. Борлена, И. Петровой и других авторов, родившихся на территории Татарстана, свидетельствует о том, что восточные традиции могут проникать в чувашскую литературу и через татарскую словесность. На поэтов «оказывает влияние то, что их малая родина находится вблизи от развалин городов Волжской Булгарии. В фольклоре этих мест немало преданий о славном историческом прошлом чувашского народа» [11, с. 32]. Кроме того, в начале XX в. татарская литература, основанная на традициях мусульманской словесности, имела в достаточной степени развитые поэтические традиции. Она вдохновляла их на создание оригинальных произведений.

Восточные традиции в творчестве чувашского народного поэта Н. И. Полоруссова-Шелеби, представителя татарской диаспоры, проявляются в использовании метода нанизывания (сюжеты и мотивы, созвучные слова), жанра поэмы, лирическом оформлении повествования (рассказ в стихах, повесть в стихах), образов шумерской литературы, воспевании Волжской Булгарии.

Использование образов шумерской литературы, а именно – образа змея и птицы, характерно для произведений «Сёлен» (1906), «Константинополь хулине туни ҫинчен ҫаваш ваттисем калани» («Сказание чуваш об основании Константинополя», 1915). Как известно, змея в шумерской мифологии олицетворяет зло, а птица – добро. В чувашском фольклоре образ змея связан с плодородием, хранителем местности. Почитание змей сохранилось со времен Волжской Булгарии. Ахмед ибн Фадлан в своих записях «Путешествие на Волгу» не раз упоминает о священных змеях. Пишет о том, что «они пользовались неприкосновенностью, почитанием, а некоторые племена поклонялись ему как тотему» [4, с. 112]. Известно, что образ белого змея был нарисован на эмблеме одного из городов Волжской Булгарии. Н. Шелеби, живший рядом с их развалинами, а к тому же и среди некрещеных чувашей, не мог не знать о значении образа змея-тотема. Под влиянием шумерской мифологии этот образ стал олицетворять всеобщее зло, а именно – угнетателей простого народа. Есть мнение литературоведов, что на семантику образа птицы могла оказать влияние «Песня о буревестнике» М. Горького [2, с. 48].

В стихотворении «Змей» через описание борьбы птицы со змеем передается взаимоотношение народа с угнетателями. Вначале поэт изображает мифологическую действительность, его образы имеют символическое значение. Повествование начинается с описания сотворения мира. Согласно содержанию текста, зло образовалось после сотворения человека. Возможно, автор хочет этим сказать, что добро и зло появились одновременно. Далее дается описание внешности мифического персонажа, совершаемых им действий. Он большой, огромный, вездесущий, хотя и без ног. На земле нет человека, которого он не поразил своим смертельным ядом. Немало пролилось слез и крови простого народа от действий змея. Золотокрылая птица вьется над ним и когтями наносит ему раны. Она ослепляет его своим светом. Строки *Сёлен пёрре вилё-ха, // Ёмёрлөхе пётё-ха...* (Однажды змей умрет, // На веки скроется...) не раз повторяются в тексте. Автор выражает надежду на то, что когда-нибудь Зло будет повержено. Образ змеи и в произведениях советского периода олицетворяет угнетателей («Коммунизм патне» («К коммунизму»)).

В поэме «Сказание чуваш об основании Константинополя» также использован мотив о борьбе птицы со змеем. «В ней отражается далекое прошлое предков чувашей, сувар и болгар, историческая действительность IV в.,

распространение христианства вдоль побережья Черного моря» [9, с. 356]. Римский император Константин приходит к побережью и решает основать здесь город. Рано утром на очищенной территории он видит большую змею, выползшую из моря. Белая двуглавая птица три раза поднимает ее в небо и три раза бросает на землю, от чего змея умирает. Мудрецы растолковали это знамение как противоборство мусульманства и христианства на этой территории в будущем. «Образы птицы и змея олицетворяют противоборство двух религий на полуострове» [6, с. 76]. В поэме Н. Шелеби использует сюжет легенды, проникший в чувашскую среду из татарского фольклора. В данный период среди татарской интеллигенции были распространены книги «Основание города Константинополя. Предание» И. Халфина и «Путешествие по Свияжскому уезду» Н. Хикмета, в которых опубликовано соответствующее по содержанию предание. Кроме того, публикация поэмы «Сказание чуваш об основании Константинополя» могла быть ответом на повальное отатаривание чувашей в начале XX в.

С течением времени в фольклоре семантическое значение змея-тотема приобретает расширенные формы. Появляются предания об уничтожении змей в угоду светлого будущего. Так, в легенде о построении города Казани люди выбирают местность, полную змеями, сжигают их, а затем строят город. «Поклонение природе в давние времена допускало наличие в верованиях культа змея-тотема, с приходом мусульманства оно стало неуместным. Вот почему сжигают змей при основании Казани, мусульманского центра. Змеи здесь первоначально появляются для оберегания населенного пункта» [8, с. 241]. То же самое можно сказать о змее, появившемся на месте построения города Константинополя.

Башкирский исследователь Р. Н. Баимов в книге «Великие лики и литературные памятники Востока» перечисляет истоки и особенности восточной литературы. По мнению ученого, основными чертами являются: господство поэзии над другими родами литературы; синтез условного, мифологического и реалистического; создание подражания на произведения из прошлого и т.д. «Если проза – это груда жемчужин, то поэзия, по А. Навои, – жемчужины, нанизанные на нить» [1, с. 12]. В произведениях нанизываются не только поэтические обороты и художественные тропы, но и сюжеты и мотивы фольклорных преданий, исторических событий. Использование метода нанизывания мотивов исторических и мифологических преданий, рисунков действительности характерно для многих произведений Н. Шелеби, написанных в разные периоды творчества. Поэт применяет фольклорный материал для создания лиро-эпических поэм, дополняет их рисунками современности. Сюжеты исторических и мифологических преданий располагаются таким образом, что создается один общий сюжет, звенья цепи соединяются между собой с помощью тема-рематического приема нанизывания. Данный прием построения композиции характерен для поэмы-легенды «О взятии Биляра», поэмы-предания «Эсесеб», литературной сказки «Кот и петух» и других произведений.

В поэме-предании «О взятии Биляра» Н. Шелеби по материалам устно-поэтических народных сказаний описывает разрушение Булгарского государства войсками Аксак Темира. Поэт нанизывает друг за другом распространенные у низовых чувашей мотивы преданий о сожжении города по совету старухи-колдуньи, спасении дочерей хана через превращение в лебедей, образовании топонима Девичья гора, эпическое описание мирной жизни булгарцев. Они создают общую композицию. Основополагающим в звене является сюжет легенды о старухе-колдунье: «Аксак Темир воспользовался советом чувашской колдуньи при осаде Биляра. Он очистил ток в поле, покрыл его сетью и насыпал зерна. Прилетевшие голуби и воробьи попались в сеть. Солдаты поймали их, привязали к их ногам серу и подожгли. Испуганные птицы полетели обратно в город. Так был подожжен Биляр и Аксак Темир смог захватить город» [10, с. 179]. Остальные мотивы дополняют его, способствуют усилению впечатления от сказанного.

Можно сказать, автор был хорошо знаком с особенностями структуры эпических сказаний. Так, завязкой в поэме является описание совещания полководцев по поводу осады города Биляра. Один из них рассказывает о всеведущей старухе-колдунье. Развертывание сюжета – встреча Аксак Темира со старухой-колдуньей. Кульминация – описание пожара и разрушений. Далее идет описание мирной жизни до нашествия врага. Поэма завершается плачем по утраченному государству.

В повествование введены исторические факты, этнографическое описание быта, праздников и обычаев народа. Дается изображение города Биляра со всеми стратегическими принадлежностями. Полководец перечисляет размеры крепостной стены, вала вокруг него, численность воинов. Упоминается о помощи Русскому государству в засушливые годы, гостях из Багдада (арабских послах-миссионерах). К мифологическим деталям можно отнести повествование о старухе-колдунье, ее сверхъестественных способностях, оборотничестве, дружбе с нечистой силой, поедании луны и т.д. Рассказывается о праздниках годового и жизненного цикла, обрядах проведения жертвоприношения. Изображаются богатые поля и леса, водоемы. Подчеркивается достаток в жизни жителей, который достигнут их трудолюбием. После прихода татаро-монгол все богатство переходит в руки врага или же сгорает. Для усиления трагичности повествователь вначале рассказывает о масштабах разрушений и трагедий, а затем вводит описание мирной и благополучной жизни.

Использование мотива о несгораемой царевне и сюжета сказания об образовании топонима Девичья гора усиливает эффект трагедии. Описание мирной и богатой жизни горожан навеяно эпическими традициями. Автор не приводит панорамное, последовательное описание быта, природы, округа города Биляра. Для него важно соблюдение ритма, напевности при перечислении, использование глагольных словосочетаний. Для речи рассказчика характерны парные слова, состоящие из синонимов и однокоренных слов, что способствует усилению впечатления от сказанного. В речи повествователя нанизываются рисунки то богатых полей, рек полных рыбы, погребов, полных еды, одежды зажиточных людей, перечисление домашнего скота (лошади, коровы, верблюды). Приводятся названия музыкальных инструментов: гармонь, скрипка, гусли, домра. Есть описание процесса и методов охоты на диких животных. Приведенные перечисления представляют собой

многообразии мозаики богатой жизни горожан. Нашествие врага подобно концу света. Повествователь переживает об утрате нажитых богатств, гибели народа, а особенно юношей и девушек. В плаче все же проскальзывает нотка оптимизма. Он упоминает о чувашах, укrywшихся в лесу, и детях болгарского царя. Есть надежда, что народ возродится и вернется былая слава и могущество Булгарского государства.

Поэма-предание «Эсесебе» была напечатана в № 9 «Сунтала» в 1925 г. В заголовке автор рассказывает о том, от кого он услышал данный сюжет, объясняет, кем был Эсесебе. Поэма повествует о славном человеке, который во время охоты попал в царство амазонок, женился на их предводительнице. В завершении Эсесебе с женой возвращаются в свои владения верхом на драконе. «Чтобы подчеркнуть могущество героя, повествователь приводит сведения, что из рода Эсесебе впоследствии появились святые, хазреты, которых татарский народ почитает и по сей день» [3, с. 49]. При создании произведения Н. Шелеби нанизывает сюжеты легенд и преданий об амазонках, топонимах Девичья гора и Город девиц, исторические сведения о разрушении города Биляра. Они нужны для создания единой композиции, описания могущества и славы главного героя. Героические поступки богатыря напоминают сюжеты произведений из древних литератур. Эсесебе понимает язык животных, перемещается на крылатом змее.

Для творчества Н. Шелеби характерно использование метода нанизывания созвучных и однокоренных слов. В поэме «Сёрпү пасарё» («Цивильская ярмарка») для создания определенного рисунка, описания действительности приводятся однозвучные слова, глаголы. Они позволяют создать не только рисунок, но и услышать шум всего происходящего. «Произведение написано в 1922-1923 гг. под впечатлением от посещения знаменитой Цивильской ярмарки. Его жанр исследователи определяют как этнографическая поэма, публицистический очерк» [5, с. 309]. В ней в мельчайших подробностях изображаются сцены торга, предметы торговли, участники ярмарки. Как в калейдоскопе, мелькают выхваченные поэтом из пестрой толпы лица, вещи, обрывки разговоров. Он то восхищается увиденным, то переживает. Его волнует и дальнейшая судьба товара, всего народа.

Использование коротких и образных именных словосочетаний, парных слов, близкое расположение рифмы позволяют живую воссоздать картину бойкой торговли. Автор восхищается происходящим, в то же время задумывается о проблемах человеческих, социальных взаимоотношений, судьбе нации. На ярмарке есть не только ловкие и хитрые торгаша, богатые купцы, веселая молодежь, но и попрошайки. Представлен весь пестрый мир социальных слоев общества. Шум ярмарки напоминает пчелиный улей. Пока будут собираться базары и ярмарки, народ не пропадет – к такому выводу приходит повествователь. Вводится размышление об историческом прошлом и будущем чувашского народа. Цивильская ярмарка навеивает воспоминания о болгарских базарах и купцах, рождает надежду на то, что жизнь здесь и в дальнейшем будет так же бурлить.

Одной из основных особенностей фольклорных и литературных произведений восточных и тюркских народов является описание происходящих событий, окружающей действительности в стихотворной форме. Фирдоуси о многовековой истории индоиранских племен рассказывает в эпической поэме «Шах-наме». В эпосах не последнее место занимает изображение страны героя и построек на ней, жилища и его внутреннего убранства. Вступительные описания иногда могут доходить до полутора – двух тысяч стихотворных строк. Стремление рассказать сюжет произведения в стихотворной форме и подробное описание интерьера, жизненных условий, пейзажа типично и для лиро-эпик Н. Шелеби. Лирическое оформление повествования, использование жанров рассказ в стихах, повесть в стихах свойственно для произведений «Сарамсанпа Хәнтәрса» («Черемшан и Кондурча», 1915), «Шуррисем килнә вәхәтра» («Когда пришли белые», 1925). Первая поэма является образцом пейзажной лирики. В ней поочередно красочно описываются окрестности деревень Черемшан, Кондурча, их природа, обычаи и обряды жителей, трудовые, жизненные условия. По мнению лирического героя, существующая в природе гармония и достаток должны распространяться и на жизнь простого народа. Перед глазами встают богатые луга, леса, поля. Народ здесь трудится в довольстве. В части «Кондурча» повествование от природных рисунков переходит к сельским зарисовкам. В деревне Чиешне много церквей, русские и чуваша проживают в согласии. В деревне *Пёчэк Хәмшлэ* (Малая Камышовка) живет богатый Тементей. Упоминается о том, что он пользуется большим уважением в округе, что *Пусләхсем те ун патне // Хәй хушмасәр кәмәсҗе* (Даже начальники к нему // Не заходят без приглашения). Автор по порядку перечисляет его имущество, постройки. У Тементея есть три большие мельницы, амбары, наполненные зерном. В опубликованных в советское время вариантах поэмы рассказ о богатом Тементее отпускается. Уже сборник 1928 г. издания содержит укороченную версию. Исследователь В. Г. Родионов обосновывает это тем, что рассказ о Тементее впоследствии был преобразован в поэму «Ваҗанка» («Васянка»), произведение сатирического характера, разоблачающее хитрого и жадного богача, которое вполне сочетается с идеологией советской литературы [7, с. 397].

Поэма «Когда пришли белые» имеет автобиографические черты. Главный герой Микулай во время осады родной деревни войсками белогвардейцев оставляет родной дом. Его дети прячутся по родственникам. После освобождения деревни вся семья собирается вместе. Рассказывая о своих злоключениях, Микулай упоминает о том, что показал задержавшим его солдатам свои книги, вышедшие в Казани. В поэме Н. Шелеби демонстрирует свое мастерство создания диалогов, характеров, описания эпических событий.

Сюжет данной поэмы поэт дорабатывает и создает новое произведение «Куҗук» («Кузьма»). В 1940 г. он пишет несколько вариантов этой поэмы. Теперь главный герой – революционер, красноармеец. Он не оставляет предпочтение коммунистическим идеям ни под угрозами жены, ни под угрозами кулаков, ни под натиском белогвардейцев. В новых вариантах несколько расширена система образов. В одном из них есть описание окрестности деревни, которая в стародавние времена перетерпела нашествие татаро-монгол, принадлежала казанскому

хану, русским баринам, была в окружении войск Колчака. Поэт непринужденно вводит в повествование упоминание о былой славе, болгарском периоде истории чувашей, невольно сопоставляет ее с нынешним периодом.

На всем протяжении литературного творчества Н. Шелеби стремился воспеть историческое прошлое чувашского народа, а именно – образ Волжской Булгарии. Это проявляется в создании поэмы «О взятии Биляра», упоминании имени государства в поэме «Базар в Цивильском уезде», поэме-очерке «Шупашкар». «В произведениях образ Волжской Булгарии ассоциируется с образом идеального чувашского государства, которое автор мечтает воссоздать» [13, с. 62]. В 20-30-х гг. XX в. для участия в Первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке в г. Москве поэт собирал этнографический материал. В связи с этим он посещает разные районы республики и чувашскую диаспору. Свои впечатления он описывает в путевых очерках «Етёрне усёнче курса сўрени» («Путешествие по Ядринскому уезду», 1925), «Сёрпү усёнче курса сўрени» («Путешествие по Цивильскому уезду», 1926). Хотя произведение написано в пору становления колхозов и индустриализации, Н. Шелеби не спешит рассказывать о преобразовании образа деревни. Он занят описанием чувашского мира, выявлением своеобразия каждого чувашского уголка. В этих картинах он ищет следы славного болгарского прошлого. Не случайно свое впечатление подытоживает следующими словами: *Авалхи кэмл Пйлхар патшалăхĕн чĕн чĕрĕ тымарĕ те саванта анчах тĕрсе юлнĕ* (Только там сохранились живые корни старинного Серебряного Булгара) [12, с. 54].

В основе повествования поэмы-очерка «Шупашкар» («Чебоксары», 1927) лежит описание нового облика города Чебоксар. Из темного, грязного города он постепенно превращается в чистую и уютную столицу. Поэт подробно рисует каждую деталь перевоплощения. Не остаются в стороне и недостатки. Он разоблачает растолстевших попов, призывающих к воздержанию от пищи во время поста, осуждает пьянство и мелкое воровство. Приветствует стремление молодежи к культуре, образованию. Для него будущее столицы представляется светлым и безоблачным. Повествователь мечтает о строительстве заводов и фабрик, новых домов, открытии вузов. В поэме Н. Шелеби органично соединяет картины прошлого и будущего. Свободный народ снова обретает свою былую славу, выходит на мировую арену с гордым именем чувашского народа. Возрождающаяся Чувашия и ее народ напоминают ему героические поступки предков – гуннов и волжских болгар. «В эпической поэзии тех лет оставалась актуальной фольклорно-историческая тематика описываемых событий. Даже в поэме, ориентированной на современность (“Чебоксары”), исторические экскурсы являются необходимыми частями повествования. В те годы актуализировалось отношение “История – современность”. Часть эпических поэтов видела в современности развитие исторического прошлого, а другая часть их противопоставляла» [7, с. 401].

Поэзия Н. Шелеби по своему характеру глубоко народна. Его творчество сформировалось на стыке чувашской и татарской словесности, что привнесло в его произведения мотивы, образы, традиции восточной словесности. Образы птицы и змея из шумерской мифологии в его произведениях преобразованы согласно требованиям времени. Нанизывание сюжетов и мотивов исторических и топонимических преданий позволяет изобразить судьбу государства Волжской Булгарии, далекое прошлое чувашского народа. Используя однокоренные слова, парные слова, глагольные обороты, поэт создает многообразную картину мирной жизни болгарцев, картину бойкой торговли на Цивильской ярмарке. Для многих поэм Н. Шелеби характерно лирическое оформление происходящих событий. Жанр этих поэм можно определить как рассказ в стихах, повесть в стихах. Влияние восточных традиций в творчестве Н. Шелеби проявляется и в восхвалении образа государства Волжской Булгарии. Творческое наследие поэта было направлено на сохранение и популяризацию национального наследия для будущих поколений.

Список источников

1. **Баимов Р. Н.** Великие лики и литературные памятники Востока. Уфа: Гилем, 2005. 493 с.
2. **Васильев А. В.** Стилистические особенности произведений Н. И. Полоруссова-Шелеби // Народный поэт Чувашии Н. И. Полоруссов-Шелеби: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 46-54.
3. **Ильина Г. Г.** О некоторых мотивах чувашских топонимических преданий // Наука. Образование. Общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 10-ти ч. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания “Юком”», 2013. Ч. 8. С. 48-49.
4. **Ковалевский А. П.** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1956. 343 с.
5. **Мышкина А. Ф.** История чувашской литературы конца 1920-х – 1930-х годов // История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2-х ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. Ч. 1. 1900-1955. С. 298-333.
6. **Одюков И. И.** Творчество поэта-фольклориста // Народный поэт Чувашии Н. И. Полоруссов-Шелеби: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 65-99.
7. **Родионов В. Г.** Чувашская литература. 1917-1930 гг.: учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 430 с.
8. **Родионов В. Г.** Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238-244.
9. **Софронова И. В.** Негасимый огонь творчества // Писатели: очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 6. С. 352-360.
10. **Софронова И. В.** Отображение образа Волжской Булгарии в чувашском и татарском фольклорах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Серия: Гуманитарные и педагогические науки. 2012. № 1 (73). Ч. 2. С. 174-179.
11. **Хузангай А. П.** Бросок на юг // Дружба: литературно-художественный альманах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. С. 24-33.
12. **Шелепи Н. И.** Етёрне усёнче курса сўрени (Путешествие по Ядринскому уезду) // Сунтал. 1925. № 5. С. 54-59.
13. **Якимова (Афанасьева) Е. Р.** Жанр исторической трагедии в драматургии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 1. С. 62-64.

TRADITIONS OF ORIENTAL LITERATURE IN THE WORKS OF N. SHELEBI

Sofronova Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary
muxtar2@yandex.ru

The article studies the traditions of oriental literature, typical of the creativity of the Chuvash poet N. I. Polorussov-Shelebi. The material for the analysis is the poet's literary works written at the beginning of the XX century. In the course of the research, structural and typological methods are applied. The images of a bird and a snake used by the poet are an echo of Sumerian mythology. He could get acquainted with them through books published in the Tatar language. Poems about the history of the Volga Bulgaria, the history of the Huns are built by the stringing method. The poet uses consonant cognates in the depiction of the rich peaceful life of the Bulgarians, scenes of trading in the Tsvilsk Fair. Many publicistic poems are poetic retelling of events, description of environment. The reconstruction of the image of the Volga Bulgaria, its idealization, comparison of the modern reality with the glorious past of the Chuvash people is an echo of the influence of oriental literature.

Key words and phrases: poem; folklore; influence; oriental traditions; N. Shelebi; legend; motive; plot; stringing.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 04.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-6-2.19>

Статья раскрывает содержание междисциплинарного понятия «идиостиль», которое активно дискутируется в лингвистике и литературоведении. Рассматривая идиостиль Урса Видмера, автор на примере одного рассказа анализирует маркеры, характерные для постмодернистских текстов. Аналогичные маркеры выявляются в ряде других произведений писателя. Внимание также акцентируется на взаимосвязи речевых и содержательных особенностей произведения, последние раскрываются на примере анализируемого рассказа с использованием литературоведческого подхода. Синтез взаимосвязанных лингвопоэтического и литературоведческого методов представлен, таким образом, оптимальным вариантом в исследовании идиостиля писателя.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; Урс Видмер; маркеры; постмодернистский текст; лингвопоэтика; литературоведение.

Стихина Ирина Александровна

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
aniris.irina@yandex.ru

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ УРСА ВИДМЕРА

Стиль как проявление индивидуальности писателя получил собственное обозначение – «идиостиль». Впервые в отечественной науке изучением проблемы индивидуального стиля в 60-е годы начал заниматься лингвист и литературовед В. В. Виноградов. Он предложил рассматривать «индивидуальные художественные системы с учетом исторического, биографического, идеологического, социального и эстетического контекстов» [Цит. по: 4, с. 20]. По В. В. Виноградову, автор не только создаёт художественное произведение, но и является «движущей силой, действенным фактором в истории творчества культурных ценностей, важных для его нации и даже для всего мира» [Цит. по: Там же]. Исследователь наметил основные направления изучения индивидуального стиля, которые впоследствии развивались другими учёными. Появляется термин «идиостиль», отделяющий «стиль как историческую категорию искусствоведения и культурологии от “стиля” как категории, раскрывающей индивидуально-авторские особенности воплощения художественной идеи» [Цит. по: Там же, с. 28]. Стиль по отношению к идиостилю является, таким образом, родовым понятием и, по Б. И. Кононеко, рассматривается как «некая общность системы средств художественной выразительности, творческих приёмов, обусловленная единством идейного содержания» [Цит. по: Там же, с. 6].

Само понятие «идиостиль» возникло во второй половине XX столетия в рамках лингвистической поэтики. Приведём распространённое определение: «Идиостиль – это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [2]. Однако существуют и другие варианты определения идиостиля, при этом лингвистический и литературоведческий подходы находятся в полемических отношениях. Так, А. В. Чичерин отмечал, что «категория стиль писателя – не лингвистическая, а литературоведческая категория», потому что понятие стиля подразумевает единство слов, образов, композиции и идей [Цит. по: 4, с. 21-22]. Лингвистическое изучение стиля не может быть, таким образом, полным, так как оно не учитывает «параметр историчности и взаимопроникновения стилей в рамках одной эпохи» [Цит. по: Там же, с. 22-23].

Д. И. Иванов и Д. Л. Лакербай также отмечают, что полноценный выход к уникальности индивидуального стиля через употребление лингвистического понятия «идиостиль» невозможен. Это «связано с самой природой художественного текста, представляющего собой “другое” языка, а не просто литературно обработанный язык». Пути решения проблемы исследователи видят в «метадисциплинарной» рефлексии [1, с. 18].